

Танец на разбитых черепках

Многие события, отображенные в этом рассказе, не являются художественным вымыслом, в отличие от имен и фамилий.

* * *

"И для князя это утро началось под влиянием тяжелых предчувствий... он был слишком неопределенно грустен, и сие было для него всего мучительнее...".

Прочитав эту фразу, Василий задумался. Он проштудировал уже половину книги, но споткнулся именно на этих словах. Наверное потому, что сегодня ему тоже грустно и тяжело. Достоевский всегда заставлял его думать. А еще чувствовать себя идиотом. Правда, не таким, как князь Мышкин, а самым что ни на есть настоящим идиотом.

— Куда ни глянь, все непонятно. Ну, к примеру, зачем человек существует и для чего ему разум? Тут какая-то недоработка Творца: разум должен быть у бессмертных. Смертным, для их же собственного спокойствия, он не нужен, им необходимы только рефлексy.

Василий поморщился. Разболелся зуб.

— Если бы сегодня пошел на склоны собирать мусор, может быть, и не разнылся, проклятый!

Двадцатипятилетний Василий Нерасторопный был длинным, худосочным и бледнолицым. Любил торты с кремом, малосольную тюльку и крашенных блондинок. Последние десять лет жил в коммунальной квартире, в шестнадцатиметровой комнатке (доставшейся по наследству от покойной бабушки) и работал мастером по ремонту лифтов. Такая жизнь ему порядком осточертела, вот он и записался в школу оккультных наук. Кроме него там было еще человек пятьдесят разного возраста и вероисповедания. Но объединяла всех одна цель — обретение смысла своего существования. Учитель, Петр Мавродиевич Беспородный, не торопился посвящать желторотиков в устройство мироздания. Он лечил их от безделья и тревоги трудом. И главная его фишка — уборка территорий. Польза от этого дела, несомненно, была. Прежде всего, службам, отвечающим за чистоту и порядок побережья. Правда, работники этих подразделений и не подозревали, что каждое утро перед восходом солнца многочисленная группа людей собирает скопившийся за день на склонах и берегу мо-

ря мусор. Не знали они и о том, что уборка производится в сугубо магических целях (иначе, наверняка, сами бы захотели воспользоваться открывающимися неограниченными возможностями). По теории Беспородного, люди, бросающие мусор на землю, а не в специально поставленный контейнер, не дорабатывают свое жизненное время, теряют его. Если же бумажки, кульки и объедки собрать, произнести над всем этим некие заклинания, можно недоработанное, неиспользованное время... забрать себе. Кроме того, после ковыряния в помойке можно и здоровье поправить. Правда, последнее всегда вызывало у Василия сомнения. Почему же тогда бомжи, постоянно роющиеся в мусорниках, такие больные и несчастные? Учитель объяснял это тем, что бомжи не знают необходимых заклинаний. И обещал открыть особенно талантливым ученикам эти волшебные слова. На лекциях он учил их составлять гороскопы, рассказывал о пришельцах из космоса. Легенда о космических братьях завораживала. Оказывается, давным-давно с созвездия Больших Псов прибыл на нашу планету космический десант, состоящий из шести рас — красной, черной, голубой, желтой, белой и коричневой. А в это время по матушке-земле бегали, ни о чем не подозревая, приматы, которым было совсем не до интеллекта. Они жили согласно своим инстинктам, и, видимо, были очень довольны этим. Но существа со звезд решили осчастливить животных, наделив их разумом. Как происходил этот "эксперимент вселенского масштаба", Беспородный не знал. Говорил — или лабораторным путем, или естественным, то есть половым. Но с этого времени началась эволюция в сознании приматов. А особенно продвинутые особи стали проводниками далеких миров. Беспородный был именно таким. Говорил, что выходит на связь с созвездием Больших Псов, может погасить любое отрицательное поле, устранить болезни, а также наладить всем нуждающимся быт. А желающих было много. Вот люди и потянулись к нему. Стали дарить украшения в знак особого уважения и почитания. Носили всевозможные вкусности — конфеты, шампанское, вина, не говоря уже об обычной еде. Ведь проводника надо кормить и поить, иначе он не сможет вещать от имени звездных братьев. Кстати, к вину он относился с большим уважением. Говорил, что человек, который его не пьет, нечистый, имеет дурные мысли, а посредством божественной жидкости они проявляются.

Свои уроки Беспородный частенько проводил на море, заставляя учеников раздеваться догола и нырять в воду, даже если на улице несколько градусов выше нуля. Говорил, для здоровья полезно. А еще он устраивал на берегу моря ночные праздники. В такие дни вина выпива-

лось немало. А в состоянии опьянения люди должны были "выпустить себя", то есть танцевать, делиться своими проблемами и даже заниматься под кустами любовью. В общем, делать то, чего им не хватало в повседневной серой жизни.

И все же он не торопился открывать свои козырные карты. По крайней мере, всем. По его мнению, прежде чем получить ключи ко всем замкам истины, ученикам следует освоить семь священных профессий. Это поэт, музыкант, астролог, маг, воин, учитель и... кузнец. Но и тут у Василия возникали сомнения. Он понимал: если шесть профессий, при усердии, освоить можно, то с последней возникают сложности: где взять молот и наковальню? Петр Мавродиевич утешал его тем, что, дескать, где шесть, там и семь.

Сегодня мастер по ремонту лифтов решил освоить первую, то есть стать поэтом. Сев поудобнее в кресле и скрестив по-турецки ноги, он закрыл глаза, настроился на свое внутреннее состояние и... рифмы посыпались: "...Расслабляется каждый как может, кто-то стукнет кого-то по роже, кто-то песню унылую сложит, или выпьет сто грамм коньяка..."

— Фу, ты! Что за гадость получается — удивился Василий.

Снова заныл зуб. Вспомнив о бутылке коньяка, одиноко стоявшей вот уже пять месяцев в буфете, парень подскочил, как ужаленный.

— Это спасет от зубной боли!

Налив себе рюмку, он понюхал содержимое, вздохнул и выпил. По телу разлилась приятная теплота. Зубная боль немного притупилась. А вот рифма обострилась: "Ветром в поле гремят чьи-то кости, кто-то ходит намеренно в гости, кто-то видит в поломанной трости полный смысла буддистский бамбук..."

Василий разозлился: "Это что же получается? Я не могу даже стихов нормальных сочинить? Почему у других стихи словно сладкая вата на палочке, есть так и хочется? А у меня какая-то "хрень" выходит? Впрочем, сейчас бы не ваты сладкой, а хрустящего огурчика, картошечки бы вареной, "синеньких" с чесночком, колбаски бы домашней или... ах, да! Тюлечки..."

У парня от этих мыслей потекли слюнки. Он изо всех сил пытался вытеснить из воображения стол, который уже нарисовал, но стол не вытеснялся. А нужно было, и поскорей. Ведь учение Петра Мавродиевича мало того что запрещало учиться в институте, смотреть телевизор, слушать радио, оно еще не позволяло есть картофель, помидоры, баклажаны, пить

кофе и курить. Ну с первым, то есть с учебой в институте, у Василия сомнений не возникало. Он и не стремился получить высшее образование. Да и способностей к обучению не было. Радио он тоже не слушал, а вот телевизор... еда... сигареты... Здесь приходилось туго. Но парень крепился. До сегодняшнего дня.

— Что-то я пошел вразнос — пробормотал он, наливая очередную порцайку горячительного.

Василий вспомнил, что на шкафу у него сигаретная заправка. Плюнув на все запреты, он достал оттуда мятую сигаретину, крякнул, налил еще рюмочку, опрокинул залпом и закурил. Рифмоплетство продолжало изводить: "...кто-то мускулом жирным играет, кто-то ваньку все время валяет, кто-то Родину-мать обнимает в ностальгии, но издалика..."

Парень глянул на свои тщедушные мышцы. Они были похожи на помятые тряпочки, которые по всей коммунальной кухне развесила соседка Любка. Чтобы окончательно не испортить настроение, Вася отвел глаза от своих мощей. Он вспомнил, что пока в квартире жил Люсик Шустер, все было иначе. Они вместе ходили в спортивный зал, качали бицепсы, ухаживали за девчонками, а теперь...

— Конечно, Люсику хорошо — он в Нью-Йорке. А я тут занимаюсь поиском смысла жизни. Пишет иногда, что ностальгия замучила. А возвращаться не хочет. Приехал бы, я его с Беспородным познакомил бы. Учитель объяснил бы ему, что к чему. Ведь он знает, как жить.

Люсик был самым близким другом Василия. Всегда наставлял на путь истинный, пытался привить любовь к наукам, хотя бы к чтению. Вот и Достоевского именно он ему подсунул. Сказал, там есть все. Когда друг уехал, Василий совсем потерял ориентиры. Не знал, что делать, как жить. Он даже не представлял, насколько важной фигурой был Люсик в его жизни. Покуривая сигарету, попивая коньяк, парень встал с кресла и направился в коридор, к комнате, где некогда обитал его друг. Там с самого его отъезда никто не жил.

В комнате была та же обстановка, что и при Люсике. Кожаный диван, торшер, книжный шкаф. Даже магнитофон. Ничего не забрал с собой Люсик. Да и зачем ему это сейчас? Ведь теперь у него совсем другая жизнь. Вася сел на диван и задумался. Ему хотелось быть таким же, как Петр Мавродиевич, уверенным в себе, спокойным, таинственным. "А как его бабы любят!" — думал парень. Он вспомнил Машку, голубоглазую кра-

сотку, буквально пылинки сдувавшую с учителя. Она преданно смотрела в глаза и ловила на лекции каждое его слово. Правда в последнее время с ней что-то произошло. Стала психованная, крикливая, постоянно на скандал нарывається. Ее даже посадили на скамейку штрафников.

Захотелось спать, и Василий закрыл глаза. Ему показалось, что прошло всего несколько секунд. Когда очнулся, то с ужасом обнаружил, что перед ним сидит... Люсик.

— Что, Вася, тяжело?

— Люсик! Ты как здесь оказался? — вытаращился тот.

— Но тебе же плохо, — улыбнулся его друг.

— А может, у меня белая горячка?

— Нет, просто ты дошел до черты, за которую ступать страшно.

— Не понимаю, о чем ты?

— Ты в самом деле хочешь быть таким, как твой учитель?

— Я хотел быть таким, как ты... Но мне этого не добиться. Ты слишком умный.

— Но ведь ты считаешь и Петра Мавродиевича умным?

— Ты не понимаешь... Он другой. Таким, как он, может быть, когда-то я смогу стать. Надо только узнать секрет его успеха.

— Ну да! А так же позывные братьев по разуму... Ты даже не представляешь, насколько он — другой. А его успех... Впрочем, ты сам поймешь. Только для этого тебе, не взыщи, придется поселиться на время у него в голове, — сказал Люсик, махнул перед лицом Василия какой-то книгой и...

* * *

Добиваться успеха любой ценой. Это Петька понял еще в детстве. В маленьком сибирском селе, где он родился, было именно так. Там выживали как могли. Тяжелые условия жизни, нищета, в которой все без исключения жители пребывали, доводили его до исступления. Петька ненавидел нищету больше всего. Его мать так много работала, что света белого не видела! Надо же было одеть и накормить его и еще пятерых детей. А помощи ожидать неоткуда. Отец-то умер. Его Петька тоже ненавидел. Как он посмел умереть! А еще он ненавидел свой рост — слишком маленький. Сверстники всегда смеялись над ним, называя недомерком. Да и с лицом не повезло — чересчур уж рябое. В общем, куда не кинь, всюду клин. А как хотелось власти! Чтобы ребята слушали и подчинялись, девки любили.

— Девки-то вообще — стервы. Любят только красивых и статных. Это ког-

да они бабами становятся, после сорока, тогда им уже все равно, какой мужик, кривой, горбатый, лишь бы был. А пока молодые — перебирают! — думал он.

Петьке хотелось, чтобы они не перебирали, а выбирали, причем его. Но в своей вотчине сие невозможно. Слишком на виду его жизнь, его унижения. Все помнили, как Витька Кирпич таскал его за патлы по всему селу, а затем надавал пинков под зад и ткнул раз десять мордой в снег, да так, что кровавая юшка из носа потекла. И за что? За то, что он подглядывал, как Витька в бане хлестал веником по голому заду жирнопузую Аньку. Все помнили, как его, шестнадцатилетнего, гоняла по селу тридцатипятилетняя Катька. И за что? Что не смог... удовлетворить ее похоть.

— Кто меня спросил, хочу ли я Катьку? Ее толстое, пропахшее потом тело, кривые волосатые ноги, шершавые пятки. Навалилась, дура и давай тискать. Из рта воняет навозом, из-под юбки — рыбой. Вот тварь! — злился парень.

А еще он затаил злобу на Марию, соседскую девчонку, худенькую и светловолосую. Она ему очень нравилась, он ей — нет. Девушка мечтала о его злейшем враге Витьке.

Петька не хотел быть обыкновенным. Ему нужно было стать исключительным. Ведь это, по его мнению, давало большие преимущества, и кто знает, может быть, даже спасало от смерти. Но исключительные в селе отсутствовали. А, значит, учиться этому было не у кого. Он надеялся лишь на то, что однажды вырвется из этого села и обязательно уедет в Москву. Там, по его мнению, исключительных было много.

Петька не любил учиться в школе. Он не интересовался ни физикой, ни математикой. Эти науки не вели к власти над людьми. И литература не привлекала.

— Слишком много боли. Некоторые произведения заставляют задумываться, чувствовать вину за свои поступки. Это мешает думать о власти и славе, — решил он однажды и перестал читать книги.

Десять лет после школы парень скитался в поисках халявной жизни. Ему везло. Помогали истосковавшиеся по молодому мужику бабы. Они в своем одиночестве готовы были обогреть, накормить, дать денег на вино и сигареты. И однажды Клавка, пятидесятилетняя торговка, которую он осчастливил время от времени своей "любовью", так расщедрилась, что выделила деньги на поездку в Москву. Больше его никто из односельчан не видел. Даже мать.

Валентин Валентинович Изрекайло был тем, кого Беспородный искал многие годы — исключительный, таинственный, магический, интеллигентный, знающий, любимчик женщин и богов. Он сразу заметил Петьку. Слишком уж тот старался ему понравиться. Вскоре Петька стал адептом Изрекайло. Они вместе ходили на массовые сеансы гипноза. Там, по мнению Изрекайло, можно воочию увидеть плоды гипнотического воздействия на человеческое сознание. Петьку удивляло, что среди людей так много сумасшедших. Бабушки и дедушки, мужчины и женщины, юноши и девушки бегали по залу, размахивали руками, вращали головой, а некоторые делали такие телодвижения!..

— Они не сумасшедшие. Этому есть другое, научное объяснение. Все дело в черепушке. В определенном секторе головного мозга находится центр эротической регуляции организма. Он легко поддается ритмической стимуляции, а также гипнотическому воздействию. Это могут быть танцы, чтение мантр, молитв, песнопения и так далее, вводящие человека в транс. На массовых сеансах гипноза или исцеления центр эротической регуляции реагирует первым. Люди, у которых есть проблемы в сфере сексуальных отношений (а таких большинство), получают в зале временное облегчение...

— Испытывают оргазм?

— Происходит своего рода разрядка. Как только это произошло, человеку становится легко и спокойно, исчезает на время тревога, он ощущает прилив бодрости, новых сил, и думает, что ему помог целитель или гипнотизер. Поэтому запомни — воздействие на центр эротической регуляции — наиболее легкий путь зомбирования. Кроме этого метода воздействия есть и другие.

— Но ведь только дураки могут долго висеть на крючке у целителя!

— Почему же. Часто и вполне разумные люди. Ведь жизнь штука непростая. Однажды человек осознает, что не может полностью управлять своей жизнью и жизнью своих близких. Возникают трудности на работе, происходят неблагоприятные, психотравматические ситуации. Например, утрата прежних идеалов, разочарование в жизни, распад семьи, социальная изоляция, смена привычных жизненных ориентиров.

Петька слушал Изрекайло заворожено. Вот он, ключ к власти — человеческая слабость!

А тот продолжал:

— Оказавшись в таком плачевном состоянии, люди начинают поиск "спасительного каната", за который можно было бы уцепиться, чтобы вы-

жить. Некоторые доведенные до отчаяния, готовы кинуться куда угодно, хоть головой в омут, лишь бы вырваться из паутины прежней жизни. Чаще всего ищут опору в духовной сфере. У многих понятие "духовность" слишком размытое, нечеткое, поэтому они цепляются за все, что хоть как-то связано с этим словом. Вот тут-то приходим мы и предлагаем им сыграть в игру под названием "обретение смысла жизни".

— Какие же правила этой игры?

— Надо дать своим ученикам магическую теорию о происхождении человека, заполнить их жизнь общением, занять их вечера, подталкивать к разговорам о сокровенном, формировать в них чувство единения. Но прежде всего надо пообещать им устроенный быт, отсутствие проблем, поддержку, понимание, даже бессмертие!

— Но ведь это невозможно! Как взрослые люди могут поверить, что я смогу им все это обеспечить?

— Для этого их надо вернуть в детство.

— Но каким образом?

— Из традиционной психологии известно, что в каждом человеке есть три составляющие — взрослый, родитель и ребенок. Первые двое — зрелые, сформированные части нашей личности, способные трезво оценивать происходящее, брать на себя ответственность за поступки, не поддаваясь эмоциональной оценке ситуации. А ребенок — это самая сокровенная часть личности, которой присущи неконтролируемые эмоции, неумение трезво оценивать ситуации и реально воспринимать действительность. Внутренний ребенок всегда ожидает чуда вне рамок действительности и всегда ждет безусловной любви.

— Так как же действовать?

— Надо искать тех, у кого силен внутренний ребенок. То есть, людей инфантильных, истеричных, жаждущих чуда, тех, кого в детстве недолюбили и недооценили родители. А также тех, у кого проблемы в жизни. Их следует обласкивать, вызывать своими действиями чувство глубокой, непроходящей благодарности, но не позволять им и шагу ступить самим. Сладкая конфетка... Как поется в известной песне: "Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит...".

Кроме того, следует лишить их способности самим выстраивать свои цели и перспективы, запретить общаться с другими людьми, превратить в еще более аморфные, безвольные существа. Воля учителя должна быть определяющей. Сказал: "Прыгнуть через голову" — и они обязаны прыгнуть, сказал: "Отречься от близких, детей, церкви" — и они должны отречься... После

такого прополаскивания мозгов их следует растить уже по своей программе, без перспектив стать зрелыми и самостоятельными. Тогда у тебя всегда будут пища, кров над головой, драгоценности, не говоря уже о людских душах, которыми ты сможешь владеть, как тебе заблагорассудится.

— А если обман раскроется?

— Ты стремишься к власти?

Петька подумал. Потом решительно сказал:

— Конечно!

— Тогда открою тебе истину, которую ты должен раз и навсегда усвоить: дьявол всегда обещает золотые горы, а платит разбитыми черепками!

Вооруженный этой теорией Петька, теперь уже Петр Мавродиевич, прибыл в Черноморск. Почему сюда? Он давно мечтал жить в городе у моря. Здесь он быстро нашел учеников. Ведь людей, обремененных своими проблемами, потерявших опору в жизни, испытывающих дефицит общения, жаждающих сказки и таинственного приобщения к чему-то неземному, можно отыскать в любом городе. Он их объединил легендой о космических братьях, зажег в них надежду на спасение, взял ответственность за их жизнь, определил, чем им нужно заниматься, а чем — нет. Он с нескрываемой радостью видел, как "ведутся" ученики на все его теории. Благоклонно принимая их подарки и подношения, он жирел, наполняясь силой их ожиданий, надежд, веры. Он радовался, когда они, ради того, чтобы быть рядом с ним, бросали своих жен, мужей, детей, когда они занимались под его пристальным взглядом любовью под кустами, он миловал и наказывал, принуждал и направлял... А еще он очень ценил парилку. И, если в фильме "Ирония судьбы, или С легким паром!" друзья собирались в бане под Новый год, Беспородный с особо приближенными к нему людьми делал это раз в неделю по субботам. Правда, и там он не обходился без определенных ритуалов. Возможно, рассказы о похождениях Гришки Распутина на давали ему покоя, так как в бане он вел себя соответствующим образом, то есть совместно с друзьями осчастливливал любовью слушательниц, убеждая их в том, что очищает их от всякой скверны. Особенно он любил поиздеваться над студенткой Марией. Ведь она была так похожа на его первую любовь — Машку. Он ощущал себя ее повелителем, заставлял делать такие вещи, которые она никогда бы не делала с другими, а однажды в бане потребовал от нее обслужить всех участников оргии.

Машка сходила с ума по учителю. Но после случившегося в бане она превратилась в истеричку. Рыдала, просила пощадить, постоянно разма-

хивала руками, икала... И тогда он наказал ее, отправив на скамейку штрафников. Вскоре Машка попала в психиатрическую лечебницу.

Однажды на одном из праздников у моря Беспородный выпил много вина и заснул. Ему приснилось, что он в красной дьявольской маске с лопатой в руках стоит посреди пустых глиняных кувшинов, в которые превратились его ученики. Со всего размаху он бьет по кувшинам, разрушая их один за другим и под барабанный бой и дикий вой, раздающийся из-под земли, танцует на разбитых черепках...

* * *

Василий открыл глаза. Он лежал в своей кровати. Ужас сковал все его тело. То, что ему пришлось пережить, не просто испугало, а повергло в шок. Он понял, что всю свою жизнь испытывал гнетущее чувство пустоты и одиночества, но пока был Люсик, он этого не замечал. Только после его отъезда он потерял почву под ногами. Почему? Он никогда не хотел брать на себя ответственность за свою жизнь. Он никогда себе не верил и считал себя слабым, беспомощным ребенком! Он всегда ждал, что однажды придет благодетель и даст ответы на все его вопросы. Люсик таким не был. Он всегда знал, чего хочет, четко определял цели и задачи и добивался успеха в жизни. И при этом оставался человеком — добрым, искренним, внимательным.

— Я такой же, как многие люди, слабый, бестолковый, ноющий, желающий "того, не знаю чего". Господи! Почем же нынче души, если нас можно так легко купить? — шептал он, вспоминая мысли и действия Беспородного.

Васька встал с кровати и подошел к письменному столу. Увидев, что там лежит "Идиот" Достоевского. Он машинально взял книгу и наугад открыл: "...Неизвестность и отвращение этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: "Что если бы не умирать! Что если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы секунду счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!".

— Вот он, выход! Люсик прав! В произведениях Достоевского есть все. Ведь я еще не умираю, а значит, есть шанс изменить свою жизнь. Главное — перестать бояться и научиться самому рулить по жизни, — взволнованно бормотал Василий.

В его ушах все еще звучала страшная музыка подземелья — вой, писк, бой барабанов и звук крошащихся на мелкие кусочки кувшинов...